

официант) [8].

2. *I've often told him he ought to let you know (Я часто говорил ему, что должен сообщить вам)* [9]

В отличие от глаголов *to make* и *to have*, выражаемая глаголом *to let* каузативность в определенной мере отличается своей «мягкостью». Так, говорящий субъект (подлежащее из объекта-дополнения) предлагает дать разрешение для совершения определенного действия. Особенностью обоих глаголов является то, что в этом случае они употребляются без частицы *to*.

Например, в предложении «*Mən məktubu yazdırdım*» (*Я дал написать письмо*) невозможно установить личность совершающего действие. Однако в предложении «*I made him write the letter (Я заставил его написать письмо)*» действие совершается известным лицом.

Подробное изучение проявления каузативности представляет интерес в двух аспектах. В целом, мы считаем, что для внесения ясности в определение сути такой категории глаголов как залог недостаточно исследовать только формы пассивного залога. Так, в азербайджанском языке, как и во всех тюркских языках, залоги глагола обладают конкретными морфологическими средствами выражения, а в английском языке имеются только средства выражения пассивного залога. Именно поэтому, определение английских аналогов существующих в азербайджанском языке залогов глагола

приобретает особое значение с точки зрения более подробного изучения залогов глагола в целом.

Литература:

1. Джанашиа, Н.Н. Залоги в современном азербайджанском языке (общие положения) // Советская тюркология. – Баку: – 1974, №1, – с.41-44.
2. Kazimov, Q.Ş. Seçilmiş əsərləri. [10 cildə], IX cild. – Bakı: “Nurlan”, – 2010, – 542 s.
3. Serebrennikov, B.A., Naciyeva, N.Z. Türk dillərinin müqayisəli-tarixi qrammatikası. – Bakı: “Səda” nəşriyyatı, – 2002, – 380 s.
4. The Systematic dictionary of English Verbs. Book 1. Edited by professor Verdiyeva Z.N., phil. Dr. – Bakı: “Elm” publishing-house, –1978, – 178 p.
5. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Special edition for the USSR. ML: Из-во “Русский язык”. – Volume II, M-Z. –1982, – 527 p.
6. Joyce J. Dubliners. Published in Paladin Books, London Glasgow, –1988, – 256 p.
7. Maltz A. The Gross and the Arrow. State textbook publishing house of the ministry of education of the RSFSR. Leningrad Branch, L., –1963, – 296 p.
8. Galsworthy J. A Modern Comedy. The White Monkey. M.: Progress Publishers, – 1976, – 304 p.
9. Hemingway E. Selected Stories. – M.: Progress Publishers, – 1971, – 398 p.

ИДЕЙНО-СМЫСЛОВАЯ КОННОТАЦИЯ СНА АРКАДИЯ ДОЛГОРУКОГО В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК» (ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ АРХЕТИПОВ К. Г. ЮНГА)

Кондратьева Виктория Викторовна

кандидат филологических наук, доцент

Таганрогского института имени А.П.Чехова

(филиала) «РГЭУ (РИНХ)»

Россия, г. Таганрог

Теснозуб Наталья Дмитриевна

студентка Таганрогского института имени А.П.Чехова

(филиала) «РГЭУ (РИНХ)»

Россия, г. Таганрог

IDEOLOGICAL AND SEMANTIC CONNOTATION OF ARKADY DOLGORUKY'S DREAM IN THE NOVEL "THE ADOLESCENT" BY F. DOSTOEVSKY (THROUGH THE ARCHETYPE SYSTEM BY C. JUNG)

Kondrateva Viktoriya

Candidate of Philology, Taganrog Institute

named after A.P. Chekhov (filial branch) "RSEU (RINE)"

Taganrog, Russia

Tesnozub Nataliya

student of the Taganrog Institute

named after A.P. Chekhov (filial branch) "RSEU (RINE)"

Taganrog, Russia

Аннотация

В статье через призму теории архетипов К.Г.Юнга рассматривается одна из сторон процесса перехода главного героя романа Ф.М.Достоевского «Подросток» от идеала к осознанию действительности. В частности, показано, что сон выступает катализатором на пути к принятию себя и обретению новых нравственных идеалов. Благодаря рефлексивному осмыслению, переживание становится личным опытом

героя. Обретение данного опыта и есть основная интрига произведения. Образная система снов Аркадия становится выражением сложных метафизических переживаний героя.

Abstract

The paper studies one of the aspects of the transition process from ideal world to perception of reality, which is worked out by the main character of the novel "The Adolescent" by F. Dostoevsky, through C.G. Jung's theory of archetypes. In particular, it is shown that the dream here works as catalyst on the path leading to acceptance of oneself and acquiring new moral ideals. Due to reflections emotional experience becomes character's personal experience. The process of acquiring this experience is the main intrigue of the novel. The image system of Arkady's dreams becomes an expression of character's complex metaphysical emotional experience.

Ключевые слова. Достоевский, роман, подросток, сон, архетип.

Key words: Dostoevsky, novel, adolescent, dream, archetype.

Изображение сна весьма распространенный литературный прием, который служит для самых разнообразных авторских целей: от идеологической и психологической характеристики действующих лиц и, наконец, до изложения взглядов самого автора [3, с. 644]. Значимость этого явления объясняется своеобразным отношением человека ко сну, закрепляющего за последним особое значение и функцию в жизни индивида. Образно-смысловой материал сновидений служит источником рефлексии в связи с фундаментальными вопросами бытия, раскрывает причинно-следственные связи между событиями действительности, является элементом, формирующим отношение человека к миру и самому себе.

Сон в литературном произведении обладает большим идейно-эстетическим потенциалом, и это объясняет то, что сновидение как художественный прием насчитывает уже несколько веков и встречается в древнейших образцах мировой литературы.

Еще в древнерусской литературе сформировалась традиция использования сна как информации-предупреждения, предвещения, ниспосланного свыше. Этот прием встречается, например, в «Слове о полку Игореве» («смутный сон» киевского князя Святослава) или в «Житии протопопа Аввакума, им самим написанном» («библейские видения» протопопа Аввакума). Д.С.Лихачев отмечает, что сны, особенно вещие, не являются редкостью в средневековых памятниках литературы [5, с. 289].

В период расцвета романтизма для сюжетного сновидения стала характерна ориентация на внутреннее, субъективное в противовес внешнему, объективному. Сон стал играть роль своеобразного моста между душевным микрокосмом и макрокосмом идеального, трансцендентного бытия.

Однако романтиков не интересовала психологическая точность в описании сна, посредством сна они стремились воздействовать на сознание и воображение читателя: важным было совпадение сновидческих и реальных событий. Это помогало создать таинственную атмосферу и наводило на мысль о фатальности судьбы. В балладе В.А.Жуковский «Светлана» сон героини занимает все развитие действия, кульминацию и развязку.

В литературе XIX века некоторые герои, и романтического, и реалистического толка, например Татьяна Ларина («Евгений Онегин»), Адриан Прохоров («Гробовщик»), Раскольников и Свидригайлов («Преступление и наказание»), Пьер Безухов и Андрей Болконский («Война и мир»), видят сны, а иногда даже целые сновидческие циклы. Они могут быть странными по содержанию и сложными, неоднозначными по символике сюжета, пространства, цвета и деталей различного типа.

По замечанию А.М. Ремизова, «<...> не только сегодняшнее – обрывки дневных впечатлений, недосказанное, недодуманное; в снах и вчерашнее – засевшие неизгладимо события жизни <...>; в снах и завтрашнее — что в непрерывном изначальном потоке жизни отмечается как будущее <...>» [6, с. 128].

В произведениях Ф.М.Достоевского сон становится важным, часто встречающимся композиционным компонентом. Можно сказать, что, наряду с приемом двойничества, обращение к приему сна становится, своего рода, «визитной карточкой» стиля писателя. Считается, что воспроизведение сновидений – абсолютно закономерный художественный ход в его творческой системе, который обусловлен стремлением Достоевского к психологической глубине и правдивости повествования.

И до сегодняшнего дня сон остается одним самых загадочных проявлений человеческой психики. В области психологии и психотерапии неоднократно предпринималась попытка разгадать его феномен. К. Г. Юнг относился к снам как к реальному опыту, который следует получить, исходя из обычной деятельности человека и внимательных наблюдений за ним. Он считал сновидения средством налаживания связи между сознанием и подсознанием с целью установления душевного равновесия [9, с. 158]. В психике человека отражено то, что он назвал архетипами – элементами психоструктур, мифическими образами, отождествляемыми с коллективным бессознательным. Такого рода образ является сконцентрированным выражением психической ситуации, не единственным и даже не преобладающим – простым и чистым содержанием бессознательного.

В романе «Подросток» Ф. М. Достоевского сны играют важную роль не только для понимания «я» главного героя – Аркадия Долгорукого, а также

окружающей его реальности, но и выполняют сюжетобразующую функцию, определяя самосознание подростка, обнажая перед ним систему его нравственных идеалов, неосознанных ранее переживаний. Глубоко переживая события и образы, увиденные во сне, стремясь их осмыслить, Аркадий выводит на практический план бессознательные элементы, тем самым как бы сближается с ними, принимая себя, психологически взрослеет.

Исследователь В. Н. Захаров разделяет сны на фантастические и сны, не имеющие отношения к «сновидческой фантастике». По его словам, «в этих снах на первый план выступает не философское, а психологическое содержание, которое не разрушает «простой целостности образа героя» [4, с. 18]. Данная характеристика справедлива и к сну Подростка во время обострения болезни, в котором он обнаруживает, как бы наяву, до того спавшие в нем чувства и подозрения. Сам он называет этот сон «пророческим», но не с точки зрения его фантастической сущности, а с точки зрения подлинности его тайного содержания. К. Г. Юнг особо выделял «большие» сновидения, то есть сны, сопряженные с чувством восторга и ужаса. В этих сновидениях он видел высшее духовное руководство, которое исходит из центра человеческого (а возможно и всякого) бытия [9, с. 164]. «Великое и гордое намерение в сердце» – так описывает свое первичное состояние в упомянутом выше сне Аркадий. Вместе с тем он чувствует, что где-то за дверями сидят люди и ждут того, что он сделает, и это чувство приходит к нему с беспокойством и мукою. Сильнейшее переживание, испытываемое Подростком в связи с упомянутым сном, определяет его важность для характеристики идейно-смысловой системы романа, так как говорит об особом по значимости влиянии на психику персонажа.

Одним из центральных образов данного сна является документ, письмо, обладание которым несет подростку некую власть, главным образом, над К. Ахмаковой. Воспользуется он им в корыстных целях или нет – одна из основных нравственных коллизий романа. Аркадий находится на перепутье: с одной стороны, он уже заразился гордыней, мыслью о собственной исключительности, с другой – его душа еще открыта добру и подвигу. Но достаточно некоего авторитета, потрясающего душу впечатления, и он равно и притом по совести готов будет пойти той или иной дорогой жизни. Данный сон демонстрирует разрыв идеального и реального в мировоззрении и самой сущности Подростка. Письмо как бы символизирует испытание, которое совершается в сознании героя.

Аркадий явственно ощущает, что некая «публика» вокруг него ожидает его решения, что это решение является определяющим в его внутренней борьбе добра и зла. С этой точки зрения, для интерпретации данного эпизода, для нас важен архетип Тени, взятый из концепции К. Г. Юнга. Он символизирует те черты характера,

которые человек в себе не признает и видеть не хочет. Архетип Тень является темной, дурной, животной стороной личности, которую носитель подавляет. Это касается неприемлемых обществом страстей и мыслей, агрессивных поступков. Документ же, в данном случае, является и некоей провокацией к достижению меркантильных целей. Подросток чувствует отвращение, когда замечает, какое подобострастие вызывает у Катерины Николаевны его власть над ней. Он бросает ей документ, уходит, высокопарно заявляя, что мстит за все свое «поругание презрением!». Аркадий признается, что испытывал при этом непомерную гордость. Тут и обнаруживается назначение документа для него самого: в состоянии ущемленной гордости, несправедливого, снисходительного отношения общества к себе – документ был единственным инструментом, с помощью которого он мог противопоставить этому обществу, средством, обличающим безукоризненный облик «высшего света».

Во сне высмеиваются попытки Подростка обрести нравственный идеал: «Аркадий Макарович ищет „благообразия“, – слышит он насмешливое замечание Анны Андреевны. Возвратясь в комнату к Ахмаковой, Аркадий застаёт Катерину Николаевну с Ламбертом, но уже не жалкую и угодливую, а злобно насмехающуюся над ним. Он испытывает страх [2, с. 204]. Образ, при котором раньше кипело добродетелью его сердце, демонизируется. Аркадий видит наглуго, «бесстыжую» женщину, готовую на все ради денег. Она являет собой воплощение той самой Тени, с которой эго Подростка, идеализируя внешний мир, находится в конфликте, который К. Юнг назвал «битвой за освобождение» [9, с. 217]. Однако, подобно переплетению мысли и чувства, эго и Тень хотя и различны по своей сути, но тесно связаны между собой. Герой, напротив, должен понимать, что Тень существует и что он может черпать в ней силу. Эта тема просматривается в гетевском Фаусте. Персонаж «тени» воздействует на Фауста, когда тот принимает пари Мефистофеля. Тень Гете описывает как «часть той силы, что, желая зла, творит благое» [1, с. 178]. В детстве и юности Фауст, как и Аркадий, был лишен многих фундаментальных для этого времени вещей. По этой причине он является отстраненным от реальной жизни, дисгармоничным персонажем, преследующим абстрактные цели, которым не суждено воплотиться. Он не был еще готов принять жизнь такой, какая она есть: и в ее хорошем, и в плохом. По этой же причине и Аркадий мечется между разными своими состояниями, не способный найти гармонию. Он запутался в своих мнениях, идеях, в ненависти и любви к Версикову. Но принятие окружающего мира в его положительной и негативной – «теневого» ипостаси невозможно без принятия себя и своей собственной Тени.

Во сне подростка охватывает «новое чувство», которое и подталкивает его к плотскому вожделению к Катерине Николаевне, никогда ранее четко не создаваемому им. Однако, по

собственному признанию Аркадия, «всё уже давно зародилось и лежало в развратном сердце» его [2, с. 217]. По мнению К. Юнга «подобное напоминание о теневых аспектах личности, их мощном потенциале и роли в подготовке героя к жизненным баталиям составляет суть перехода от начальной тематики сна к теме жертвующего собой героя: симпатичного юноши, распластавшегося на алтаре. Герой такого типа соответствует обычно поздней юности. В это время человек обретает жизненные идеалы и чувствует, как их сила преобразует не только его самого, но его отношения с другими людьми» [9, с. 183]. По мнению К. Г. Юнга, причина кроется в идеализме юности, который непременно ведет к чрезмерной самоуверенности: «наше Я может в экзальтированном состоянии ощущать свое богоподобие, но только ценой самообмана, опасного бедой» [9, с. 301]. Примечательна в этом смысле история об Икаре: летев слишком близко к Солнцу на хрупких самодельных крыльях, юноша встретил свою гибель. Однако, если молодой человек не ставит перед собой сложных целей, он не способен перешагнуть грань, разделяющую юность и зрелость. Этим объясняется необходимость пройти, несмотря на существующий риск, преграду, которая должна его изменить, вывести на новый уровень самосознания в системе бытия.

В. В. Чудинина пишет: «Сновидения у героев Достоевского служат не тому, чтобы затемнить, скрыть, представить в безобидной форме тайные желания человека, а скорее, наоборот, проявлению скрытого» [8, с. 54]. Благодаря сновидению Подросток открыл в себе скрываемые сознанием слабые стороны своей личности, благодаря чему сделал шаг навстречу реальному, не идеализированному миру, что в дальнейшем позволит свершиться его примирению с ним. В сознании Подростка в равной степени сосуществуют различные оценки окружающей действительности и собственного «я» в рамках этой действительности: в нем сталкиваются любовь и презрение, которые могут относиться к одному объекту переживания; самолюбие и самоуничужение. Данный аспект личности Аркадия напрямую связан с его биографией, объясняющей двойственность его положения: «...я – законнорожденный, хотя я, в высшей степени, незаконный сын» [2, с. 382]. В заключительной главе романа окончательное очеловечивание Подростка ставится в прямую зависимость от его «работы с собой».

Сам процесс перехода героя от идеала к действительности есть суть обретения этой действительности. Невозможно до конца осознать явление, не лишившись иллюзорных представлений о нем. Таким образом, сон

выступает катализатором на пути к принятию себя и обретению новых нравственных идеалов. Несознаваемые до того чувства и желания Подростка проявляются, благодаря острому их переживанию во сне. Однако, это не окончательное их проявление. В стадии бодрствования, благодаря рефлексивному осмыслению, переживание становится личным опытом героя. Обретение данного опыта и есть основная интрига произведения, необходимость, за отсутствием которой, и возникал конфликт «Подростка». Обнаружив ее, мы не только проясняем идейную составляющую романа, но и выводим на первый план роль самопознания в решении нравственных вопросов для героев Ф. Достоевского, в частности, Аркадия, для которого выразителем сложных метафизических переживаний послужила семантико-смысловая образная система сна.

Литература:

1. Гёте И.В. Фауст. Трагедия. // Пер. с нем. Б. Пастернака. Под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. Комм. А. Аникста / И.В. Гёте. Собрание сочинений в 10-ти томах. Т. 2. – М.: Худож. лит., 1976. 510 с.
2. Достоевский Ф.М. Подросток // Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. Т.8. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1990. – 814 с.
3. Дынник М. Сон как литературный приём // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. / Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина и др. – М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. – Т. 2.
4. Захаров В. Н. Концепция фантастического в эстетике Ф.М. Достоевского // Художественный образ и историческое сознание. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1974. – С. 98-125.
5. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд., доп. – Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1985. – 352 с.
6. Ремизов А.М. Огонь вещей. Сны и предсонье // А.М.Ремизов. Огонь вещей : [Сборник]; Сост., вступ. ст., с. 5-34, коммент. В. А. Чалмаева. – М. : Сов. Россия, 1989. – 525 с.
7. Чудинина В. В. Художественно-содержательное своеобразие сновидений в творчестве Ф. М. Достоевского : Дис. ... канд. филол. наук / В.В. Чудинина – Москва, 2004. – 185 с.
8. Человек и его символы // Юнг Карл Густав, фон Франц Мария-Луиза, Хендерсон Джозеф Л. и др. – М.: Серебряные нити, 1997. – 368 с.
9. Юнг К. Г. Анализ сновидений. Семинары (осень 1928 г. – лето 1929 г.) – М.: Клуб Касталия. 2014. – 304 с.